

Хранитель вечных ценностей

► 14 декабря в Белгородском государственном литературном музее прошёл памятный вечер «Люди, которых он знал», посвящённый 90-летию со дня рождения Льва Конорева, журналиста, писателя-прозаика, члена Союза писателей СССР. Гости музея поделились воспоминаниями о писателе, журналисте, друге, отце; прозвучали отрывки из его рассказов, были представлены материалы из семейного архива.

Лев Фёдорович Конорев родился 14 декабря 1933 года в деревне Карасёвка Бесединского района Курской области и завершил жизненный и творческий путь 10 марта 2011 года в Белгороде. По сущностной природе своей, по факту и праву рождения, жизни и смерти на Черноземье, он не мог на избранной им стезе не стать певцом своей земли, её красоты и боли, не мог не стать в ряды тех, кого советская критика назвала «почвенниками», «деревенщиками», даром что почти все они были востребованы отечественной культурой и стали городской интеллигенцией.

Суть же в том, что в лучших произведениях наших почвенников, как верно подмечено, «читатели находят не только узкое крестьянское понимание природных и житейских процессов на родной земле, но и масштабное философское осмысление бытия людей и Отечества». Солженицын расширительно, справедливо называл их «нравственники». В советский безбожный век они были носителями светлой духовности (подчас интуитивной, неназванной, безотчётной), их деятельность, творчество позволили нам сохранить фундаментальные русские ценности даже в тех условиях, которые были направлены на разрушение и уничтожение всего русского. И это было их служение - тех немногих, кто сумел выполнить поручение Божией красоты, гармонии, совести, нравственности, страдания и сострадания, которые, как мы понимаем, являются частью дара.

В этом ряду стоит и замечательный писатель фронтового поколения, уроженец курского села Толмачёво Евгений Носов, оставивший нам проникновенную прозу, которую сразу по публикации в 1960 - 1980-х мы читали как сущностнообразующую классику и становились русскими людьми. Именно Носов, мастер поэтической, традиционной русской прозы стал наставником в творчестве и старшим другом в жизни Льва Конорева. Без преувеличений можно сказать, что их встреча в 1962 году на Курском областном семинаре молодых литераторов стала для начинающего прозаика Конорева судьбоносной. Потом Носов с удовлетворением отзовется о прозе младшего коллеги: «Его рассказы держатся на двух главных литературных компонентах - духовном мире человека и выразительности языка, над которым Конорев работал с особым тщанием».

«От «Слова о полку Игореве» до «Войны и мира» русская литература пронесла через века священный образ Родины и думы о её судьбе». Так говорил Носов. Этому учил и своего младшего коллегу Конорева. У Льва Конорева с Евгением Носовым были годы живого общения и длительная дружеская переписка.

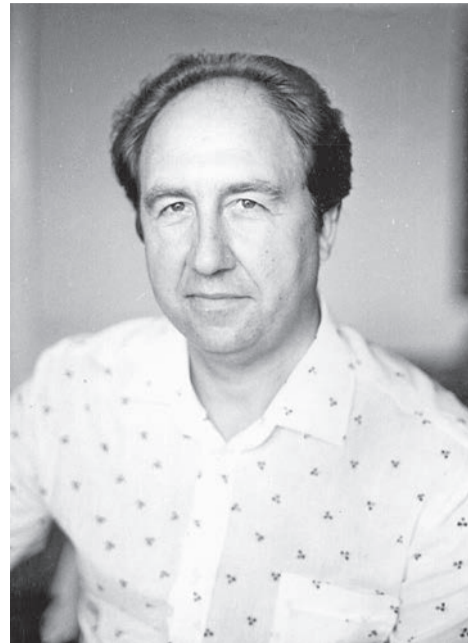
Показательный пример сформировавшейся стилистики прозаика Конорева - мемуарное приношение дорогому учителю записки «С вершины древнего кургана (Из воспоминаний о Евгении Носове)», опубликованной в журнале «Наш современник» (№ 6, 2003), через год после кончины Носова.

Читаем: «...поездка с Евгением Ивановичем Носовым на меловое крутогорье Городища, что горбато вздымается над низинной округой моей родной Карасёвки. Эта поездка, которая, как потом оказалось, навеяла писателю некоторые узловые сцены будущей повести «Усвятские шлемоносцы»: «... Оставив машины у края дороги, молча протопали по полевой траве к подножию кургана. По крутому его склону,

поросшему жёсткой выгоревшей травой с вкраплениями каких-то махоньких красноватых и желтоватых цветочков, какие не встретишь в обычных степных местах, поднялись мы на плоскую, тоже травянистую поверхность курганной «тарелочки». Только взойдя на неё и повернувшись лицом в восточную сторону, увидели, что курганный холм неожиданно обрывается вниз жутковатой, почти отвесной меловой кручей высотой метров восемьдесят, а может, и больше. И какой же простор открывался отсюда! Прямо перед нами, распахнутая во всю ширь, простиралась зелёная луговая низина, по которой, синевато поблескивая, петляла узкая лента речки Рати в оёме курчавых береговых лозняков и ольховых зарослей; наперерез ей, по той стороне, тянулась извилястая бороздка ручья, впадавшего в речку, а за ручьём, разделявшим надвое мою Карасёвку, неясно виднелась сама деревня, непривычно маленькая, с игрушечными кубиками домов, едва различимыми в буйной раковой поросли. Мне хотелось показать Евгению Ивановичу нашу бывшую избу, но я и сам точно не отыскал её и указал лишь приблизительное место».

Речь повествователя словно льётся сама по себе, создаётся впечатление простоты, даже лёгкости высказывания, возникает иллюзия, что иначе и сказать-то нельзя, однако это - виртуозное письмо, за которым стоят десятилетия литературного труда и работы души.

Достиг ли старатель Конорев чаемой гармонии? Судите сами - разве это не

прекрасная, поэтично интонированная, живописная, лексически отрадная русская проза: «Под нами внизу, пересекая зелёное луговое займище и затемняя травы, плыла, словно бы перетекала округлая сиреневая тень от белогрудого облака, и писатель проследил её путь, пока не истаяла она за дальним меловым выступом...».

Конорев, по мнению коллег, был «из уходящей породы профессионалов и безукоризненно порядочных людей». Он родился в крестьянской семье. Великая война пришла к восьмилетнему курянину в дом уже осенью 1941-го. В повести «Росные травы» он впоследствии рассказывал: «Помню, как зябкими осенними вечерами вся наша улица выходила на бугристый выгон и оттуда с тревогой мы наблюдали за тем, как фашистские самолёты бомбили Курск... Потом были долгие месяцы оккупации, освобождение наших мест... Нас рано приучали к труду, мы постоянно помогали дома по хозяйству, а в пору летних каникул целыми днями пропадали в поле на кол-

хозных работах. И работу эту, в общем-то, нелёгкую, выполняли радостно, с неуёмным азартом...».

Отслужив срочную в армии, Конорев поступил на философский факультет МГУ. Потом работал в журналистике - в Курске, спецкором ТАСС в Йошкар-Оле и Белгороде. В 1990-е Лев Фёдорович возглавлял службу новостей ГТРК «Белгород».

Первая значимая публикация художественной прозы Конорева, рассказ «Хозяин», появилась в 1964 г. в воронежском литературном журнале «Подъём».

Финальная часть этого рассказа явила зачин всей будущей прозы Льва Конорева: «...После второго сваленного дуба Махотину стало жарко. Мокрая исподняя рубаха прилипла к лопаткам. Из-под шапки, въедаясь в глаза, струился пот. Прохор Кузьмич расстегнул полушубок, снял рукавицы и вытер ладонью лоб. На минуту передохнул, прислушался. Вьюга по-прежнему бесновалась над лесом, громко скрипели деревья».

Прохор Кузьмич огляделся по сторонам. Неподдалёку, через просеку, стоял на краю поляны большой стройный дуб. «Хорошая лесина, - облюбовал Махотин. - Добрая верёва для ворот».

Дуб с трёх сторон был окружён низкорослым кустарником. Прохор Кузьмич вырубил у подножья несколько колких кустов терновника и застучал топором по стволу. Дуб поддавался с трудом. Махотин часто останавливался, громко отдувался, жадно, как рыба, ловя ртом воздух. И снова, собравшись с силой, ожесточённо стучал по стволу.

Сердцевина дерева становилась всё тоньше. Дуб, как в ознобе, вздрагивал с каждым ударом топора. Вдруг он стремительно затрещал, и Махотин скорее инстинктивно почувствовал, чем успел сообразить, что дерево валится в его сторону. Он беспокойно метнулся прочь, но споткнулся о куст терновника и, распластавшись, упал животом на снег. В ту же секунду его оглушило тяжёлым ударом в спину. Махотин вскрикнул и потерял сознание».

Публиковался прозаик в журналах «Наш современник», «Сельская молодёжь», «Север», «Голос Родины», в еженедельнике «Литературная Россия». В 1968 г. в Воронеже вышел первый коноревский сборник «Солнце играет», затем - «Деревенские вечера» (1972), «Шмелиный мёд» (М., 1977). Рассказ «Балалайка, которой у меня не было» из сборника прозы «Шмелиный мёд» считают визитной карточкой писателя.

«Сколько лет прошло с той далёкой поры... Кажется, та детская мечта о трёхструнке давно уж и навсегда похоронена под толщей времени. Но почему-то я всякий раз, как увижу играющего балалаечника-виртуоза, начинаю волноваться, что-то очень давнее, потаённое просыпается во мне, и я с грустной улыбкой думаю: быть может, тогда, в первые послевоенные годы, погиб во мне дар музыканта-балалаечника, погиб живоно, не успев даже народиться... Но что поделать, если в ту пору подержанное ватное одеяло было в доме нужнее балалайки, если корове Зорьке не хватало на зиму сена, а нашим городским родственникам тяжело пришлось в то неурожайное лето... И ещё, когда слышу я балалаечный звон, вспоминаю деревенскую горницу, полную людей, дядю Семёна с балалайкой на коленях».

В Союз писателей СССР Лев Конорев был принят в 1979 году. В белгородский период прозаик выпустил в свет сначала «Росные травы» (1989) - пронзительную книгу, основанную на личных воспоминаниях о военном детстве и послевоенном отрочестве, затем вышли «Голоса за околицей» (2001) и сборник литературных мемуаров «Люди, которых я знал» (2008).

Станислав МИНАКОВ

ФОТО АВТОРА И ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА КОНОРЕВЫХ

